Р УССКАЯ литература

№3

историко-литературный журнал

1984

Журнал выходит с 1958 года

СОДЕРЖАНИЕ

	Cip.
В. А. Ковалев. Творческая программа советских писателей (к 50-летию Пер-	
вого съезда СП СССР)	3
Л. Ф. Ершов. Михаил Шолохов: художник и его эпоха	10
В. А. Шошин. Из опыта русской советской поэзии 70-х годов	18
А. И. Павловский. В начале восьмидесятых годов (из наблюдений над прозой)	38
А. Ф. Бритиков. Научная фантастика, фольклор и мифология	55
В. Е. Ветловская. Социальная тема в первых произведениях Достоевского	75
В. М. Маркович. «Дневник лишнего человека» в движении русской реалисти-	
ческой литературы	95
Г. К. Щенников. Типологические особенности русского реализма 1860—	93
	116
1870-х годов	110
II C II-vavan II-rayayayayayayayayayayayayayayayayayayay	
Д. С. Лихачев. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку	130
Игореве»	100
фольклор и история	
, (дискуссия)	
Л. И. Емельянов. Былина и факт	145
ПОЛЕМИКА	
·	
В. Г. Березина. Еще одна попытка приписать В. Г. Белинскому литературное	
произведение	153
публикации и сообщения	
Р. М. Горохова. Ломоносов и Тассо	158
Н. П. Копанева. Две шведские баллады в русском фольклоре	169
ii. ii. itomanoba. Abe inbedorne oannada a pytorom wonarnope	100
(См. на об	opome)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. Н. Сажин, М. Д. Эльзон. Неизвестное письмо М. Л. Михайлова 1863 года Б. В. Мельгунов. К истории некрасовского «Современника» (1865—1867) М. В. Теплинский. Эпизод из истории некрасовского журнала «Отечественные	176 178
записки»	189
А. Н. Гершаник. К вопросу о датировке первой пьесы А. П. Чехова	192
В. Ф. Шубин. Неосуществленный замысел Ю. Н. Тынянова «Евдор»	199
овзоры и рецензии	202
Н. И. Желтова, Т. В. Савинкова. Горьковедение сегодня	
Г. А. Тиме. И. С. Тургенев в странах немецкого языка	210
Р. Ю. Данилевский. Австрийская русистика	217
В. Н. Баскаков. Библиофильство и литературоведение (по страницам	
«Альманаха библиофила»)	225
О. И. Федотов. К построению истории русского стиха	236
С. И. Николаев. Старопольская проза в России в XVII—XVIII веках	241
П. Р. Заборов. П. И. Чайковский и русская литература	245
Г. Л. Боград, Р. Г. Гальперина. Письмо в редакцию	249
хроника	250

Редакционная коллегия:

В. В. ТИМОФЕЕВА (главный редактор), П. С. ВЫХОДЦЕВ (зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, Н. А. ГРОЗНОВА, Л. Ф. ЕРШОВ, А. Н. ИЕЗУИТОВ, В. А. КОВАЛЕВ, А. М. ПАНЧЕНКО, Ф. Я. ПРИЙМА, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев Адрес редакции: 199164, Ленинград, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

Журнал выходит 4 раза в год

Технический редактор Γ . А. Смирнова Корректоры Γ . А. Александрова, Н. Γ . Каценко и Э. Н. Липпа

Сдано в набор 11.05.84. Подписано к печати 22.08.84. М-33157. Формат 70×108¹/₁6. Бумага типографская № 2: Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 22.40. Усл. кр.-отт. 22.85. Уч.-изд. л. 28.73. Тираж 11076. Тип. зак. 1514.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

© Издательство «Наука», «Русская литература», 1984 г.

еще встречающихся в нем неточностей и ошибок, а вместе с тем и от обращения к давно известным в науке и не требующим сегодня специальной популяризации фактам и явлениям. В-третьих, издание должно отражать в полной мере задачи, пути и особенности современного библиофильства во всех его многообразных про-

явлениях. Все это вместе взятое может внести существенные поправки в облик альманаха, сделать его еще более интересным, более научным и привлекательным для самых разных читательских слоев, не исключая и историков литературы.

О. И. Федотов

К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИИ РУССКОГО СТИХА*

Принцип историзма, свойственный разработке современных литературно-теоретических проблем, приобретает первостепенное значение и для теории Одной из основных задач новейшего стиховедения является построение истории русской стиховой культуры на уровнях метрики, ритмики, строфики и рифмы. Каждый элемент того сложного системного единства, которое принято именовать поэтической формой, должен иметь свою биографию. Только располагая максимально полным представлением о рождении и обстоятельствах жизни того или иного размера, той или иной разновидности рифмы, строфы, ритмико-интонационной модели и т. п., можно с достаточной мерой глубины проникнуть в суть и характер этих явлений, определить ту идейно-эмоциональную роль, которую каждое из них играет в общем оркестре конкретного стихотворного произведения. Без истории стиха невозможно и решение (на объективных, а не субъективных основаниях), пожалуй, самой актуальной проблемы стиховедческой науки — проблемы содержательности стиховых форм. Наконец, выстраивание фактов отечественной стиховой культуры в единый исторический ряд имеет и самостоятельное значение: проясняются их генезис, родословная, зависимость друг от друга, масштабность и т. д.

Современное стиховедение уже имеет ряд ценных опытов такого рода. 1 Теперь

настала пора все частные разрозненные описания систематизировать в целостную историю русской стиховой культуры от ее возникновения до наших дней. Поэтическая антология «Мысль, вооруженная рифмами», составленная крупнейшим советским стиховедом В. Е. Холшевниковым, представляет собой первую углубленную разведку в данном направлении.

Жанр книги, сочетающей избранные поэтические тексты и стиховедческий комментарий к ним и к каждому из шести периодов в истории русского не имеет прецедентов ни в отечественной, ни в зарубежной практике. Составителю пришлось разрабатывать принципы издаопираясь лишь на собственную эрудицию, изобретательность и вкус. «Мысль, вооруженная рифмами»— на-учно-популярная книга, рассчитанная на читателя, стремящегося к углубленному проникновению в тайники поэтического произведения. Но, пожалуй, главное ее назначение — учебное: она может быть с успехом использована в качестве превосходного пособия для студентов-филологов как в учебных курсах «Введение в литературоведение» и «Теория литературы», так и в специальных курсах и спецсеминарах стиховедческого профиля.

Центральное место в антологии занимают, разумеется, поэтические тексты, подобранные с таким расчетом, чтобы как можно более полно проиллюстрировать историю развития русского стиха, его характерных особенностей (метрического и строфического репертуара, эволюции ритмики, рифмы, интонационноритмических форм). В предисловии составитель предупреждает: представленные в антологии произведения не вполне соответствуют реальному соотношению стиховых форм в русской поэзии. И это понятно, иначе большая их часть, к примеру, была бы однообразно ямбической. Для того чтобы картина поэтических по-исков предстала ярче, В. Е. Холшевни-ков пошел по другому пути. Он отобрал наиболее интересные, с точки зрения сти-

1011

^{*} Мысль, вооруженная рифмаци. Поэтическая антология по истории русского стиха. Составитель, автор статей и примечаний В. Е. Холшевников. Л., Издательство Ленинградского университета, 1983. 447 с.

^{1983, 447} с.

1 См. например: Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958; Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. М.—Л., 1959; Вишиевский К. Д. Русская метрика XVIII века. — В кн.: Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и

ритмика. М., 1974; \mathcal{H} ирмунский $B.\ M.$ Теория стиха. Л., 1975 и др.

ховеда, разнообразные и вместе с тем наиболее совершенные в художественном отношении образцы поэтического творчества. Здесь, думается, он руководствовался не столько четкими, логически определенными критериями, сколько собственной читательской интуицией. И не ошибся, доверившись ей. Филолог в самом широком смысле этого слова, В. Е. Холшевников к подлежащим анализу стихотворным текстам относится как к живому целостному организму, ученый не заслоняет в нем читателя, тонкого знатока и почитателя поэзии. Отобранные им тексты репрезентативны, уникальны и хорошо узнаваемы.

Другое, не менее важное назначение антологии я бы определил как научно-консолидирующее. Этой насущной задаче отвечает краткая вступительная статья «Что такое русский стих». Обладающий широким научным кругозором, В. Е. Холшевников отобрал апробированные, проверенные временем стиховедческие идеи, многие из которых принадлежат ему самому. Остановимся на них—ввиду их исключительной актуальности — подробнее.

Определяя специфику стихотворной речи в отличие от речи прозаической, В. Е. Холшевников оппрается на известное положение Б. В. Томашевского: «1) стихотворная речь дробится на сопоставимые между собой единицы (стихи), а проза есть сплошная речь; 2) стих обладает внутренней мерой (метром), а проза ею не обладает. . Для современного восприятия первый пункт значительнее второго».²

Оба признака создают необходимое ритмическое напряжение; первый — универсален, присущ всем без исключения системам стихосложения, второй — национален и определяется просодией конкретного языка. Очень важно здесь подчеркнуть историческую изменчивость фонологических элементов, лежащих в основе той или иной версификации. Большое значение имеют и закономерности собственно поэтического развития, представляющие собой взаимодействие исконно национальных традиций и иноязычных влияний. Именно поэтому стиховая культура любого народа не ограничивается органически свойственной его языку системой стихосложения, а складывается обычно из целого ряда систем, сосуществующих последовательно на всем протяжении параллельно истории.

Остроумно показав, что метр не является абсолютным стихообразующим признаком (регулярное чередование сильных и слабых слогов спорадически возникает в разговоре, в газетных заголовках на вывесках, например: «Ремонт велосипедов» — 3-стопный ямб, «Овощи и фрукты» — 3-стопный хорей), автор вступительной статьи (видимо, из-за термино-

логической неточности) не избежал характерной «ошибки Журдена», отождествив нехудожественную речевую практику с прозой. Конечно, безыскусственный разговор больше напоминает прозу, стихи (хотя в данном случае как раз наоборот!), но, согласно верному наблюдению Ю. М. Лотмана, «на типологической лестнице, построенной по схеме движения от простоты к сложности», художественная проза стоит не а выше стихотворной поэзии, поскольку ее структура представляет собой не только имитацию необработанной в художественном отношении речи, но и отрицание жесткой урегулированности стиховых форм (т. е. значимое отсутствие ритмизации).³

История стиховой культуры — это прежде всего совокупность господствующих систем стихосложения, четкое разграничение которых — необходимое условие для ее подлинно научного описания. В поисках оптимальной классификации верспфикационных систем в современном стиховедении наметилось два пути: одни исследователи прибегают к помощи аксиоматических методов, дающих логически непротиворечивые, но неудобные в реальном обращении типологические номенклатуры, 4 другие исходят из исторического развития отечественной поэзии, видя в ней закономерную смену систем стихосложения разной степени урегулированности. 5 В. Е. Холшевникову, несом-

³ См.: Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Введение; теория стиха. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1964, вып. 160, с. 50. К такому же выводу, правда, историко-литературным путем пришел В. В. Кожинов: «Проза как художественная форма, как признанный род словесного искусства складывастся лишь в новой литературе» (Кожинов Вадим. Стихи и проза. М., 1980, с. 66—67).

4 Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. — Вопросы языкознания, Π ыль $\hat{\partial}$ мяэ \mathcal{H} . О типологии систем стихосложения. — Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970; Бухштаб Б. Я. Об основах и типах русского стиха. — International journal of Slavic Linguistics and Poetics, XVI, 1973; Ecoров Б. Ф. Аксиоматическое описание русских систем стихосложения. — В кн.: Искусство слова. М., 1973; *Бурич В.* Π . Типология формальных структур русского текста (удетерон, стихи). — В кн.: Проблемы связности и целостности текста. M., 1982; *Лотман М. Ю.* О системах стихосложения в русском стихе. — В кн.: Учебный материал по теории литературы: Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII-XX вв. Таллин, 1982.

⁵ Баевский В. С. О соотношении метрических систем русской поэтической

² Томашевский Б. В. Указ. соч., с. 10.

ненно, ближе второй путь, хотя он не сбрасывает со счетов и корректирующие установки первого. Коль скоро основу ритмичности русского языка составляет более или менее урегулированное чередование ударных и безударных слогов, природным типом русского стиха должен быть *тонический* стих, распадающийся (в порядке постепенного убывания урегулированности) на несколько двусложники — трехсложники силлаботонической системы — дольники — тактовик — акцентный, или чисто тонический стих. Между ними, однако, вместо резких границ располагаются цепочки так называемых переходных метрических форм (ПМФ): например, между трехсложниками и дольниками — трехсложники с урегулированным и неурегулированным чередованием анакруз, силлабо-тонические имитации античных размеров, гек-И заметров, пентаметров логаэлов: урегулированными дольниками между н тактовиком — дольники неурегулированные; между тактовиком и акцентным стихом — тактовик с расшатанной основой. Крайней, наиболее свободной формой русской тоники В. Е. Холшевников считает акцентный стих - «стих, в котором урегулировано, и то не всегда строго, только расположение ударных слогов, а количество безударных между ними произвольно» (с. 7). Это определение следует признать верным, но недостаточным. Исследователь справедливо отказывается от выдвижения в качестве системообрапризнака равноударности. Видимо, гораздо уместнее говорить здесь некоей «последовательноударности». хотя словосочетание «расположение ударений» захватывает в свое семантическое поле «последовательноударность», совершенно очевидно, что даже абсолютная равноударность (а практически она всегда относительна) полноценным метрообразующим фактором не является. Недостаточность равно- или последовательноударности для создания ощутимого метрического импульса по закону компенсации активизирует составляющие вертикального ритма: большую выделенность ударений, рифм, пауз, междуударных интервалов, в также выровненность или

симметрию клаузул, синтаксический $\mathbf{n}_{\mathbf{a}_{\tau}}$ раллелизм и т. п.

Стиховым формам, обладающим внутренней мерой, противостоит «своеобразная форма стиха, лишенная единого размера» и «обладающая только первым признаком стихотворной речи: разделенностью текста на ограниченные поэтом строчки-стихи. Это так называемый свободный стих, или верлибр. . .» (с. 17). В. Е. Холшевников не вдается в тонкости этой запутанной дискуссионной проблемы. и справедливо: в книге, адресованной читателю столь широкого профиля, целесообразнее ограничиться общим определением, акцентирующим внимание на самых существенных признаках: негативном отсутствии единого размера (следовательно, предполагается возможность полиметрии как конструктивного признака системы) и позитивном — наличии двойной сегментации текста, синтаксической и на стихотворные строки (т. е. собственно установки на стих).

На примере верлибра легко прослеживается одна из важнейших функций стиховой графики — функция олоннои выделения каждой строки. В. Е. Холшевников всегда придавал бользначение интонационному стиха, те приписывая ему, однако, метрообразующей роли. Чем свободнее метриорганизация горизонтального ряда, тем больший удельный вес приобрстает вертикальная корреляция стихотворных строк или «подстрочий». При симметричной разбивке, скажем, 6-стопного ямба на полустишия, перерождается размер — получается 3-стопный ямб с удвоенным количеством строк, тогда как при асимметричной разбивке «размер стиха. . . не меняется, хотя сильно изменяется интонационный строй» (с. 17). Правильно указав на активную роль графики применительно к внутренней мере стиха, исследователь недооценивает ее применительно к «первому признаку стихотворной речи» - выделенности стихового ряда: «. . .если печатать стихотворения сплошь, как прозу (как по воле М. Горького были напечатаны «Песия М. Горького о Буревестнике» и «Песня о Соколе»), слух безошибочно определит размер и позволит только одним способом разбить их на стихи:

Над седой равниной моря Ветер тучи собирает. Между тучами и морем Гордо реет Буревестник. Черной молнии подобный... Высоко в горы Вполз уж и лег там В сыром ущелье, Сверпувшись в узел И глядя в море. . . »

(c. 17)

русский стих, с. 421 и сл.; *Кормилов С. II.* Указ. соч., с. 146—147.

речи. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Тезисы докладов и сообщений Межвузовской научной конференции. Кострома, 1971; Кормилов С. И. К формально-типологической систематизации нового русского стиха. — В кн.: Филология. МГУ, филологический факультет, вып. 5. М., 1977.

^{///} Ср. /Каспарас /// // Современный

⁷ См., например: *Холшевников В. Е.* Типы интонации русского классического стиха. — В кн.: Слово и образ. М., 1964, с. 125—163.

Таким образом, размер «Песни о Буревестнике» — 4-стопный хорей, а «Песни о Соколе» — 2-стопный ямб. Таково же мнение Н. Е. Меднис и К. Д. Вишневского. В. Калачева трактует «Песню о Буревестнике» как 16-стопный хорей и причисляет ее не к стихам, а к ритмической прозе. 9 Кто ближе к истине, и вообще, можно ли объективно определить стопность произведения, не раз-битого автором на стихи? В пользу 4-стопности «Песни о Буревестнике» свидетельствуют два обстоятельства: 1) минимальность 4-стопного членения, которое проявляется в том, что на более мелкие группы хореических стоп текст поровну не делится, и в том, что самые короткие абзацы именно 4-стопны; 2) кратность всех и каждого из 16 абзацев на 4-стопные отрезки. В пользу 16-стопности имеется лишь один аргумент: половина абзацев -16-стопники. Но остальные-то насчитывают от 4 до 32 стоп. . . Если автор отказался от стиховой сегментации поэтического текста, мы не имеем права своевольно членить его ни на более вероятные 4-стопные, ни на менее вероятные 16-стопные хореи. Формально в нашем случае менее произвольны два варианта: 1) либо это 16-стишие (по числу абзацев) белого вольного хорея со стопностью от 4 до 32; 2) либо моностих в 260 стоп. Абсурдность обеих интерпретаций очевидна. длинные стихи просто не воспринимаются как стихи. А других критериев для определения стопности нет. Поэтому напрашивается более осторожный вывод: горьковские песни, памятуя тезис Б. В. Томашевского об отсутствии между стихом и прозой резкого водораздела, логичнее отнести к «пограничным явлениям», а именно - к метрически урегулированным стихотворениям в прозе. 10

Наиболее удачными разделами теоретического введения представляются разделы, посвященные рифме и строфике. Обстоятельная характеристика их многообразных функций, разновидностей и исторической эволюции, сложно опосредованных связей с фонической, грамматической, синтаксической и стилистической структурой произведений дает достаточно полное представление об этих многоаспектных явлениях. Единственный требующий уточнения вопрос касается генезиса русской рифмы, которая обязана

можности русского стиха. М., 1977, с. 56.

10 Ср.: Пяст Вл. Современное стиховедение. Л., 1931, с. 310; Жовтис А. Границы свободного стиха. — Вопросы литературы, 1966, № 5, с. 122.

своим происхождением не только синтаксическому параллелизму, фольклоре и древней литературе», но и каламбурной игре слов в пословицах, загадках и поговорках. В разделе же о строфике, там, где речь идет о моностихе, уникальном явлении, узнать которое «можно только при установке на восприятие стихов и на фоне развитой стихотворной традиции» (с. 26), кроме эпитафии Карамзина и знаменитого брюсовского «О, закрой свои бледные ноги», не лишним было бы упомянуть и о едва ли самом значительном произведении в этом роде — моностихе В. Субботина «Окоп копаю, может быть, могилу».

Итак, теоретическое ядро книги представлено тщательно отобранным, приведенным в единую систему и в разумных пределах адаптированным материалом, призванным не только ввести читателя в курс дела, но и выделить в шумном многоголосии современного стиховедения нечто устойчивое, общепринятое. На его основе строится собственно историческая часть антологии, расчлененная на пять основных и один дополнительный раздел. По непонятным причинам в VI дополнительный раздел, оказавшийся в приложении, попали образцы досиллабической силлабической поэзии XVII века. Скорее всего, первоначально планировалось осветить только историю русской тоники, но потом составитель пришел к мысли, что без силлабики история русского стиха будет неполной. Как бы то ни было, начинать всегда следует с самого начала. Учитывая же слабую изученность истоков отечественной стиховой культуры, это тем более необходимо. Одно дело решительно констатировать: «Древнерусская книжность не знала стихотворства» (с. 418), и совсем другое отыскать его корни, ведь не появилось же опо в XVII веке из ничего. . . Действительно, развитых, теоретически осмысленных форм стихотворства древнерусская книжность, равно как и современный ей фольклор, не знала. Оппозиция «стихпроза» в сознании русского человека появилась лишь к концу XVI-началу XVII века. До этого рубежа она развивалась в средневековой устной и письменной словесности подспудно, путем постепенного накопления и структурной поляпотенциально-стихотворных и потенцпально-прозаических элементов. Канонизация системы параллелизмов и звуковых повторов в песнях, былинах, пословицах, загадках, в памятниках гимнографии, сатирических повестях демократической направленности и т. п. приводит к развитию музыкально-речевого и речевого стиха, и отказ от них - в сказках, летописных сказаниях, житиях — к образованию противоположных им прозаических форм.¹¹ Изложенные соображе-

⁸ Меднис Н. Е. Ритмико-интонационное своеобразие «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике» М. Горького. — В кн.: М. Горький и русская литература. Учен. зап. Горьковского ун-та, 1970, сер. филологическая, вып. 118, с. 179; Вишневский К. Д. Мир глазами поэта. М., 1979, с. 41—42.

⁹ Калачева С. В. Выразительные воз-

¹¹ Подробнее см.: Федотов О. И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. Владимир, 1981.

ния, конечно, не могут заполнить лакуну, которая зияет на месте происхождения русского стиха, но и оставить этот важный вопрос вообще вне поля зрения тоже нельзя.

Справедливо связывая один из видов первичного досиллабического стиха с влиянием песенного фольклора (былины, исторической песни и духовного стиха), В. Е. Холшевников, вслед за М. Л. Гаспаровым,12 квалифицирует его как «преимущественно 3-ударный тактовик...» (с. 418). Является ли такое заключение исторически корректным? Схема 3-иктного тактовика, разумеется, очень удобна, за ее пределами остается не свыше 15-20% внесхемных, аномальных стихов. Но ведь есть и еще более свободные схемы (акцентного стиха, например, или верлибра), способные вместить в себя практически любой текст без остатка. Однако применительно к народному художественному сознанию все перечисленные формы, стоящие на пути освобождения от предельной урегулированности силстиха, лабо-тонического исторически невозможны, так же, к примеру, как киномонтажа применительно к пушкпиской «Полтаве».

Исторический комментарий к пяти разделам, охватывающим остальным XVIII век, первую половину XIX века, вторую половину XIX века, начало ХХ века и советский период, выполнен основательно. В предельно лаконичных статьях прочерчены главные линии разритмики, метрики, строфики, рифмы и интонации, обусловленные эволюцией языковой просодии, историей отечественной поэзии, иноязычными влияниями. Подкрепленные адекватным иллюстративным материалом общие ложения последовательно конкретизируются, в результате чего складывается ясная картина обрастания того иного элемента поэтической формы окказионально историческими содержательными ореолами.

Разумеется, объем книги, в отличие от материала, который ей надлежит осветить, небезграничен. Многие заслуживающие внимания факты истории русского стиха в нее не попали. Так, в частности, не повезло истории русского свободного

стиха (незаслуженно отсутствуют первые сумароковские переложения псалмов, десять из которых написаны «безрифменным акцентным стихом неравного размера» 13), разочаровывает и состав советского раздела, особенно заключительной его части: вся новейшая русская поэзия представлева двумя-тремя именами. Почему бы теперь, убедившись в пользе и эффективности пробного образца такого жанра, не выпустить целую серию антологий (по числу периодов)? Но это, как говорится, дело будущего. Пока же мы имеем первый эскиз истории русского стиха, заслуживающий самых добрых слов.

Ввиду очевидной уже сейчас необходимости повторного издания книги укажу на ряд частных и легко устранимых недочетов: 1) примечания к каждому стихотворению для удобства читателей целесообразнее давать сразу под текстом; может быть, следует их несколько расширить за счет увеличения удельного веса реального комментария; 2) не очень удобным оказалось совмещение указателя сокращений с указателем терминов: лучше раскрыть их значение непосредственно в тексте статей при первом употреблении; 3) весьма желательно было бы дать и более представительную библиографию стиховедческих работ — это усилило бы научный аппарат антологии.

Итак, В. Е. Холшевникову удалось создать уникальный в своем роде жанр, органически соединивший в себе: 1) собрание образцов русской поэзии, иллюстрирующих исключительное богатство форм отечественной стиховой культуры; 2) превосходное принципиально типа стиховедческое и 3) научно-популярное исследование, имеющее консолидирующее методологическое и терминологическое значение. Книга вполне оправдывает свое название: знакомясь с «биографией» того или иного элемента стихотворной формы, лишний раз убеждаешься в том, что не существует отдельных от мысли рифм, ритмов, размеров и строф. А коль скоро так, адекватное понимание поэтической мысли (и чувства!) невозможно без глубокого знания стиха — существенной части истории истории поэзии.

¹² Гаспаров М. Л. 1) Современный русский стих, с. 352—371; 2) Русский былинный стих. — В кн.: Исследования по теорин стиха. Сб. статей. Л., 1978.

¹³ См.: Баевский В. С., Ибраев Л. И., Кормилов С. И., Сапогов В. А. К историн свободного стиха. — Русская литература, 1975, № 3, с. 89.

С. И. Николась

СТАРОПОЛЬСКАЯ ПРОЗА В РОССИИ В XVII—XVIII веках*

Необходимость создания обобщающего труда по истории польско-русских литературных связей старшей поры назрела давно, о чем свидетельствуют хотя бы обзорные статьи, которые неоднократно появлялись в печати за последние два десятилетия. Отсутствие такой монографии объясняется тем, что круг памятников, переведенных с польского языка в XVI—XVIII веках, очень широк, и каждый год он расширяется за счет введения в научный оборот новых произведений. Между тем далеко не все

* Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983, 334 s.

выявленные памятники изданы, многие изучены явно недостаточно, а некоторые вообще не были предметом научного анализа.

Из обзорных работ, посвященных изучению отдельных аспектов (проза, поэтеатр, историография, книжное дело), назовем только статью Элизы Малэк «Старопольский роман на Руси. Состояние и задачи изучения». 2 Первым шагом реализации объявленной здесь программы было изданное в 1978 году исследование и публикация текста «Истории о Мелюзине»,³ а пять лет спустя вышла рецензируемая книга «Старопольская повествовательная проза в литературном процессе России XVII—XVIII веков». В первых главах (а всего их в книге шесть) речь идет о памятниках, которые издавна, со времен А. Н. Пыпина, изучались литературоведами. Это повести о Петре Златых Ключей, цезаре Оттоне, Мелюзине, Аполлонии Тирском, Индрике и Меленде и сборники «История семи мудрецов», «Римские деяния», «Великое Зерцало». Новизна подхода Э. Малэк в изучении этих произведений, некоторым из которых посвящены монографии, сказалась в двух положениях.

Во-первых, очень плодотворным представляется объединение на «равных правах» XVII и XVIII веков. Дело в том, что уже привычное для историков древнерусской литературы изучение литературных обработок XVIII века памятников XVI—XVII веков до последнего времени 4 не применялось историками польско-русских литературных связей: XVIII век считался областью, полностью принадлежащей исследователям русского Поскольку памятники Просвещения. польского Просвещения попадают в Россию в последней четверти XVIII века, то все столетие как бы выпадает из истовзаимодействия двух литератур. В действительности, конечно, такого перерыва не было. Э. Малэк совершенно справедливо исходит из положения, что «XVII век, признаваемый апогеем польского влияния на русскую литературу, был прежде всего периодом накопления, аккумулирования новых ценностей, ко-

¹ Назовем основные: Моисеева Г. Н. Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII середины XVIII века. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 438—451; Новицкий Г. А. Русско-польские культичний С. турные связи во второй половине XVII в. — В кн.: Доклады советских / историков на сессии Ассоциации славистических исследований международного комитета исторических наук. М., 1973, c. 77—91: Lipatow A. Rosyjsko-polskie związki literackie od Średniowiecza do Oświecenia. (Týpy, ukierunkowanie, ewolucja). — In: Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie. Wrocław, 1978, s. 21—39; Fiszman S. Nowe aspekty badań nad rolą polskiej kultury w rozwoju kultury rosyjskiej. — In: For Wiktor Weintraub. Essays in Polish Literature, Language and History. The Hague—Paris, 1975, p. 113—133; Łużny R. 1) Literatura polska w Rosji w w. XVII i XVIII.— In: O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław, 1969, s. 36—64; 2) Kulturą polska wieku XVI a stosunki polskowschodniosłowiańskie. — Przegląd Humanistyczny, 1979, № 10, s. 63—69; 3) Polnische Kultur des 16. Jahrhunderts und polnisch-ostslawischen Beziehungen. Fragen der polnischen Kultur im 16. Jahrhundert. Bd 1. Giessen, 1980, S. 217—226; Lewin P. 1) Recepcja literatury polskiej tłumaczonej w Rosji w wieku XVII i pierwszej połowie wieku XVIII. - Slavia Orientalis, 1966, № 1, s. 101—111; 2) Literatura staropolska a literatury wschodniosłowiańskie. Stan badań i postulaty badawcze. — In: Literatura staropolska w kontekście europejskim. Wrocław, 1977, s. 139—168; 3) Polish-Ukrainian-Russian Literary Relations of the 16th—18th Century: New Approaches. — Slavic and East European Journal, 1980, № 3, p. 256—

² См.: *Małek E.* Romans staropolski na Rusi. Stan i potrzeby badań. — Slavia Orientalis, 1976, № 3, s. 311—317. ³ *Małek E.* Historia o Meluzynie. Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi. Bydgoszcz. 1978. См. реп.: Русская лите-

Вуdgoszcz, 1978. См. рец.: Русская литература, 1980, № 4, с. 200—203.

4 См.: Соколова Л. В. Литературные обработки XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 279—291.

торое только в XVIII веке принесло определенные плоды» (с. 8). Доказательству этого тезиса и посвящена первая часть книги, где автор, опираясь не только на результаты исследований своих предшественников, но и на собственные архивные разыскания, показывает, как функционировали на протяжении полутора веков переводные памятники, выявляет новые редакции и прослеживает их судьбу от театральных обработок в Петровскую эпоху до лубочных изданий XIX—XX веков.

Второе положение связано с переводными сборниками (гл. 3). Обычно их изучение заключается констатацией того факта, что некоторые рассказы, пользовавшиеся особой популярностью, перенисывались отдельно. Как раз на этом этапе литературной истории сосредоточила свое внимание Э. Малэк. Ею исследованы судьбы отдельных рассказов и на большом иллюстративном материале показано возникновение новых редакций, их отражение в печатных изданиях и в памятниках оригинальной беллетристики. Эти разыскания, продолжающие вестном смысле исследования М. Н. Сперанского, значительно расширяют наши представления о судьбах переводной беллетристики и ее связях с оригинальной, а также дают ценный материал для характеристики редакторской практики книжников XVIII века.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях «опознание» отдельных новелл в рукописных сборниках бывает крайне затруднительно. Эти трудности известны как историкам литературы, так и составителям описаний рукописных сборников XVIII века. В наибольшей мере это относится к «Великому Зерцалу». Как известно, оба перевода XVII века полностью не изданы, и исследователям просто негде проверить свои наблюдения (папомним, что в списках полного перевода более 800 «прикладов»). Назрела необходимость в составлении указателя сюжетов. В первую очередь следует составить роспись обоих переводов «Великого Зерцала» по «лучшим» спискам, включающую заглавие, начальные и заключительные фразы; поскольку для сборников XVIII века эти части текста наименее устойчивы, то к каждому «прикладу» надо указать и мотив.6

В последних трех главах книги речь идет о старопольской сатире и юмористике в русских переводах XVII—XVIII веков. Изучение этих памятников имеет долгую традицию: первая статья о них

появилась в 1834 году. В последние годы интерес к этой теме даже возрос, ею в разных аспектах занимаются советские, польские и итальянские ученые, в проводится, хотя и недостаточно широко, типологическое изучение памятников «низовой» литературы барокко. 9

В отличие от своих предшественников Э. Малэк расширяет круг привлекаемых произведений и кроме перевода «Фацеций» включает переводы «Апофтегмат» Б. Будного и «Похождений Совест-Драла», которые до нее вообще не изучались. Именно здесь исследовательницу ждали находки. Так, анализ рукописного материала показал, что напечатанный в 1711 году перевод «Апофтегмат» был третьим по счету, а два первых были сделаны еще в XVII веке. 10 Автор, правда, считает оба перевода анонимными и датирует их приблизительно концом XVII века, между тем известно, что в 1690—1691 годах «Апофтегмата» переводил кн. М. Кропоткин. 11

⁷ См.: Нечто о старинной рукописи. —
 Заволжский муравей, 1834, № 8, апрель,
 с. 468—482.

8 См.: Кукушкина Е. Д. Переводная новелла в рукописных сборниках XVIII в. — В кн.: XVIII век, сб. 14. Л., 1983, с. 180—192; Walczak В. О przekładach facecji polskich na język rosyjski. — Slavia Orientalis, 1972, № 1, s. 47—64; Graciotti S. 1) Polska facecja humanistyczna 1 jej włoskie wrozce. — In: Studia porównawcze o literaturze staropolskiej. Wrocław, 1980, s. 89—110; 2) Il ruclo della letteratura faceta umanistica italiana nelle «facezie» polacche e russe. — In: Mondo slavo e cultura italiana. Roma, 1982 p. 462—187

1983, р. 162—187.

⁹ См.: Панченко А. М. Материалы по древнерусской поэзии, IV. (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии»). — ТОДРЛ, т. ХХХ. Л., 1976, с. 318—323; Мосгатова W. Міејѕсе апопітовеј ргогу plebejskiej w rosyjsko-polskich związkach literackich XVII wieku («Сказание о роскопшом житии и веселии» і «Nowy Świat»). — Іп: Тгафусја і współczesność, s. 8—20. Аналогичный польский материал можно найти также для «юмористических курантов» («авизий») и для «Лечебника для иностранцев». См.: Dawna facecja polska. Warszawa, 1960, s. 154, 161—162, 292.

10 См. также статьи: Malek E. 1) Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego. — In: Studia filologiczne WSP w Bydgoszczy, z. 4. Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1978, s. 7—23; 2) Bieniasz Budny w Rosji wieku XVII—XIX. — Ruch Literacki, 1981, № 4—5, s. 373—380

11 См.: *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891, с. 92. В книге Э. Малэк, как и в других работах по польско-рус-

⁵ См.: Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963.

⁶ См. аналогичные труды, построенные по несколько другим принципам: Синайский патерик. Указатели. Новосибирск, 1980; *Tubach F. C.* Index Exemplorum. A Handbook of Medieval Religious Tales. Helsinki, 1969.

В последней главе автор восстанавливает историю «Похождений Совест-Драла» — переделку популярного польского сборника анекдотов о Совизжале, Уленшпигеле, — и одноврепольском уточняет время возникновения русской переработки. Поскольку в первом издании год выхода не указан, то оно обычно датируется по косвенным данным «не позднее 1775 года». Э. Малэк что журнал «Свободные обнаружила, часы» уже в 1763 году сетовал на то, что полки книжных лавок ломятся от книг типа Совестдрала (с. 310). Эта реплика несомненно относится к русскому изданию. Но это не единственное упоминание о Совизжале в русской литературе 1760-х годов. Анекдот о «Совизрале или Севизрале» рассказывает В. К. Тредиа-ковский, ¹² а в 1769 году К. Кондратович пишет следующую эпиграмму:

Слава Совизралова есть навозна слава. Пусть для щей сия ему будет впредь приправа! 13

Поскольку форма имени явно отличается от транскрипции в русской переработке («Совест-Драл»), то очевидно, что Тредиаковский и Кондратович знали оригинал. Но было ли это чтение или отзвуки устной традиции? Наши представления о степени знакомства писате-лей середины XVIII века со старопольской юмористикой слишком неотчетливы для определенного ответа. Разумеется, переводу должно было предшествовать ознакомление с оригиналом, однако степень его (а именно опа может объяснить появление того или иного перевода) не изучена ни для XVII, ни для XVIII века.

Старопольская новелла, шутка, анекдот, острое словцо представлены в русской литературе XVII века только «Фацециями», «Апофтегматами» Б. Будного и «Златым игом супружества». Однако имеющиеся отрывочные данные позво-

ским связям, не упоминается венецианское издание «Апофтегмат» 1765 года, напечатанное кириллицей, в котором местом издания указан Петербург. См.: Зернова А. С., Каменева Т. Н. Сводный русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968, с. 527, № 1491. Составление подробной библиографии польско-русских связей старшей поры является насущной задачей. См.: $\vec{E}a$ -скаков B. H. Польско-русские литературные связи. Проблемы их библиографического исследования. — В кн.: Славянские литературы. ІХ Международный съезд славистов. М., 1983, с. 342—354; Николаев С. И. (Рец.) Польская художественная литература в русской и советской печати (1711—1975). — Русская литература, 1983, № 3, с. 218—223.

12 См.: Берков П. Н. Русско-польские

литературные связи в XVIII в. М.,

1958, с. 22—23. ¹³ ГПБ, F.XIV.17, л. 70 об.

ляют определенно говорить о более широком знакомстве со старопольской сатирой и юмористикой во второй половине XVII-первой половине XVIII века.

Уже в 1650 году в Москве оказались две книжки о проделках и похождениях церковного служки Альбертуса: «Как выправлял (или высылал) ксендз Албертуса на войну. Внове напечатана лета господня 1649-го» (т. е. «Wyprawa plebańska») и «Как Албертус с войны по-шол назад. Внове напечатана в Кракове господня 1649-го» («Albertus z wojny»).14 В библиотеке Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева «Złote jarzmo małżeńskie». 15 В каталоге книг царевича Алексея Петровича значатся «Zarty abo krotofilne facecje. То-ruń, 1695»; 16 в этом издании, кстати, напечатан и пародийный календарь XVII века «Minucje nowe Sowizrzałowe». Те же «Żarty polskie» указаны в описи книг В. Н. Татищева. ¹⁷ В «Каталоге универсальном» (1727) библиотеки сиподальной типографии упомянута книга «Sowirzrzał wierszami anonimi. Совезрал стихами». 18 В библиотеке А. П. Волынского были «Семизрал» и сборник анекдотов «Сакви» («Sakwy»), 19 а в библиотеке Александро-Невской лавры (каталог 1740 года) — «Совизрал», «Фацецие» и «Фацеци полские»,20 у архиепископа черниговского Иллариона Рогалевского (опись 1738 года) — сатирическое описание сборища чертей, которые рассказывают Люциферу о своих проделках среди людей, «Сейм пекелный чвертковий» («Sejm piekielny»).21 Сохранился конволют из библиотеки Феофилакта Лопатинского,²² представляющий собой антологию лучших произведений польской сатиры XVI—XVII веков: «Nędza z Biedą z Polski ida», «Wyprawa plebańska», «Co nowego

¹⁴ Акты, относящиеся к_истории южпой и западной России, собранные и изархеографическою комиссиею,

данные археографического комиссием, т. V. 1638—1657. СПб., 1861, с. 417.

15 ЦГАДА, Библиотека синодальной типографии, № 4238.

16 БАН, F.335, л. 4 об.

17 Астраханский В. С. Каталог Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981, с. 36, № 571. ¹⁸ Научная библиотека им. Н. И. Ло-

бачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова (Ленина), ОРКР, № 4466/1, л. 63.

19 Луппов С. П. Библиотека Артемия Волынского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979, с. 125, №№ 93, 176.

Л., 1979, с. 125, лете со, 120 ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л.

21 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода, т. 18. Пт., 1915, с. 1042. ²² БАН, ОРК, Лопатинский 11 л.—

23 л.

abo Dwór», «Facecje polskie», «Praerogatywa abo wolność możatkom świeżo naďana», «Zwrócenie Matiasza z Podola», «Fraszki Sowizrzała nowego», «Złote jarzmo małżeńskie», «Statut» Я. Дзвоновского.²³ Наконец, в 1769 году К. Кондратович публикует эпиграмму «На шутку отшутка. Из жартов (шуток) польских» ²⁴ коня?» из сборника «Со nowego abo $Dw\acute{o}r$ ». 25

Приведенный перечень невелик и, конечно, далеко не полно отражает действительное положение вещей. Но на его основании можно уверенно говорить о том, что круг читателей польской юмористики был очень широк; он включает подьячих и царевича, монахов и вице-президента Синода, царедворца и представителя «ученой дружины». Несомненно, эти книжки бывали в руках безместных попов, собиравшихся на Спасском мосту в Москве и распространявших «укоризны скаредные и смехотворные»: литература совизжальская польская вполне соответствовала духу русской демократической сатиры XVII века.

Чтение и перевод — закономерные этапы восприятия. Но для городской «площадной» культуры важна еще и устная традиция. Нам известно единственное и, кажется, до сих пор не прокомментированное свидетельство бытования фацеций в устной культуре XVII века. Оно припадлежит Иоганну Корбу, который в своем хорошо известном дневнике записал в августе 1698 года следующий рассказ.

«На сих днях некоторые приказные пировали с своими женами писаря у какого-то писца. Хозяину особенно понравилась одна из гостей; задумав удовлетворить свою страсть, он стал спаивать всех вином, в особенности же женщин. Гости проникли лукавый умысел хозяина и, с своей стороны, тоже с умыслом, стали подчивать щедрю вином хозяйку. Все перепились до того, что падали на пол; тогда хозяин, заметив, где лежала его красавица, под предлогом, чтобы женщины спали спокойнее, погасил огонь». 26 Далее излагается по всем правилам новеллистической поэтики любовное приключение хозяина дома в духе историй о проделках хитроумных женщин с использованием мотива «подмененной жены». Ночное происшествие завершается общим смехом, причем хозяин, незадачливый любовник, «первый же покатился со смеху». Литературная основа этого небольшого рассказа совершенно очевидна, столь же очевидно и его полное несоответствие московскому быту конца XVII века, тем не менее завершается рассказ довольно неожиданным выводом: «Так испорчены нравы москвитян: доводят себя до прелюбодеяния и сами же потом смеются над тем, что должны бы оплакив**ать».²⁷**

Поразительна доверчивость и недогадливость педантичного Корба! Европейский дипломат не почувствовал рекреативного характера рассказа ²⁸ и стал жертвой подшутивших над ним подьячих Посольского приказа, которые описали ему «по Декамерону» якобы бывшую пирушку. Его искреннее негодование, кстати, говорит о том, что эту «смехотворную московскую издевку» (в русской генологии XVII века это эквивалент фацеции) он не выдумал, а действительно услышал, поскольку присутствовать на какой бы то ни было пирушке подьячих и писцов он не мог по своему дипломатическому статусу.

Из этого краткого экскурса видно, что формирование новеллистической поэтики, которое приходится на последнюю четверть XVII века, 29 испытывало сильное влияние не только переводной польской фацеции, но и устной традиции, связанной, в первую очередь, с бытованием польских изданий в русской читательской среде. Однако это влияние имеет и свои границы, которые особенно трудно определить, когда речь идет о «простых формах». Возвращаясь к книге Малэк, приходится отметить, что выводы исследовательницы не всегда убедительны как раз при рассмотрении влияния польских фацеций на оригинальную русскую новеллу. Остановимся только на одном примере. Э. Малэк поддерживает ранее высказывавшееся мнение, что в «Присовокупление второе» «Письмовника» Н. Г. Курганова попало несколько польских фацеций из рус-ского перевода XVII века. Действительно, сюжетные аналогии тут налицо, но дают ли они право говорить о тек-стуальной зависимости? Новеллистиче-

²⁹ Ср.: История русской литературы, т. І. Л., 1980, с. 369—384. (Раздел написан А. М. Панченко).

²³ Характеристику перечисленных памятников и их библиографию см. в кн.: Mочалова B. B. «Низовое» барокко в Польше. Драматургия и поэзия. — В кн.: Барокко в славянских культурах. M., 1982, c. 102—169; Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut», t. 1. Warszawa, 1963.

²⁴ Кондратович К. Старик молодый, ч. 3. СПб., 1769, с. 16.

Dawna facecja polska, s. 215. 26 Корб И. Г. Дневник поездки в Московское государство. М., 1867, с. 84—85.

²⁷ Там же, с. 85.

²⁸ Еще в XVI веке русские дипломаты рассказывали С. Герберштейну и П. Джовио всякие басни и небылицы (Э. Малэк приводит эти данные на с. 181). Ср. также рассказ о «замерэших словах», слышанный нидерландцем И. Бохом в русском государстве в 1578 году. См.: Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Русп (XVI—XVII вв.). М., 1958, с. 37—38.

ские сюжеты вообще интернациональны по своей основе, для установления иноисточников странных аналогий мало, здесь нужны другие принципы источни-коведческого анализа. Таковые очень плодотворно продемонстрировал как раз на материале «Письмовника» В. Д. Рак, который показал, что Н. Г. Курганов использовал несколько сборников анекдотов. 30 французских

Это замечание относится и к некоторым другим наблюдениям Э. Малэк, но в целом выводы автора книги, сделанные на анализе обширного рукописного и печатного материала, убедительно доказывают главный тезис исследования: старопольская проза играла важную, хотя и не первостепенную, роль в литературном процессе России на протяжении

двух веков.

Мы подробно остановились на материале второй части книги не только по той причине, что здесь много новых свежих наблюдений. Произведения, о которых идет здесь речь, — это хорошая литература, и сейчас доставляющая читателю удовольствие. Интерес к старопольской юмористике в России не угас и в XIX-XX веках. В 1829 году «Вестник Европы» публикует цикл анекдотов шуте Станьчике, популярном герое фацеций, в 1964 году выходит сборник «Польские фрашки», переводы совизжальских произведений вошли в сборник «Польская поэзия XVII в.» (1977) и т. д.³¹

При чтении книги Э. Малэк невольно возникает мысль о необхопимости изпания для широкого читателя памятников русской юмористики XVII—XVIII веков, куда непременно должна войти и переводная новелла. Тут уместно напомнить об успехе переиздания избранных новелл из «Письмовника» Курганова с иллюстрациями Н. Кузьмина (1976).

Появление обобщающего труда Малэк очень своевременно, он подытоживает результаты работы предшествующих поколений и намечает дальнейшие перспективы. Одной из очередных задач является полное текстологическое изучение и издание переводных памятников, а также выявление новых. Этой работой сейчас активно занимаются советские и польские ученые. 32 Среди их исследований книге Э. Малэк принадлежит вилное место.

бросок «плутовской» повести «Автобиография», то главного героя назвал Совестдраловым. См.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983,

³² См. работы по переводной беллетристике Е. К. Ромодановской, Л. В. Соколовой, И. Д. Азволинской. Уже после выхода рецензируемой книги был опубликован перевод первой половины XVIII века повести о пане Твардовском. См.: Бегунов Ю. К. Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твердовском». - Советское славяноведение, 1983, № 1, с. 78—90. Опубликовано по единственному известному списку (дефектному, без конца); заключительный фрагмент см. в кн.: Описание рукописей, принадлежащих П. Ф. Симсону. Тверь, 1903, c. 172-173.

П. Р. Заборов

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА *

В наше время, отмеченное замечательными достижениями естественных и точных наук, кажется иногда, что науки гуманитарные стоят на месте. Это, однако, досадное заблуждение. Прежде всего, постоянно укрепляется фундамент исследований в этой области знания: в на-

* Балабанович Е. Чехов и Чайковский. М., «Московский рабочий», 1978, 184 с.; П. И. Чайковский и русская литература. Составители Б. Я. Аншаков, П. Е. Вайд-ман. Научн. редактор М. Э. Риттих. Ижевск, «Удмуртия», 1980, Шоль А. «Евгений Онегин» Чайковского. Л., «Музыка», 1982, 167 с.

учный оборот вводятся ранее не известные факты, подчас отменяющие привычные точки зрения и традиционные оценки. Вместе с тем неустанно совершенствуется методика этих исследований, эволюционируют формы, прокладываются новые пути.

Одна из характерных примет гуманитарных исследований последнего мени — настойчивый интерес к соприкосновению различных сфер художественной культуры, к параллельным явлениям в них и сходным тенденциям, к творческим и личным контактам отдельных их представителей. С большой интенсивностью изучается взаимодействие литературы и театра, литературы и изобразительных искусств, главным образом жи-

³⁰ См.: Рак В. Д. «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова. — В кн.: XVIII век, сб. 12. Л., 1977, с. 199—224.

31 В связи с этим следует отметить,

что когда В. О. Ключевский начал на-